

входа на биржу. Такой порядок, давая нѣкоторое ручательство въ имущественной состоятельности лица, не гарантируетъ наличность положительных нравственныхъ качествъ, столь необходимыхъ, однако, для лицъ, имѣющихъ влияние на ходъ биржевой торговли фондами. Такъ какъ установить какой-либо признакъ, который свидѣтельствовалъ-бы о личности подобныхъ качествъ, невозможно, то признано наиболѣе цѣлесообразнымъ организовать замкнутое общество фондоваго отдѣла, доступъ въ которое открывается лишь по баллотировкѣ и при ручательствѣ нѣсколькихъ лицъ. Отдѣлъ управляется совѣтомъ, избираемымъ изъ среды биржевого общества. Совѣтъ состоитъ изъ предсѣдателя и 15 членовъ, избирающихъ изъ своей среды трехъ товарищей предсѣдателя. Совѣту предоставляются обширныя права по надзору за отдѣльными членами отдѣла и, главное, по охранѣ силы биржевыхъ сдѣлокъ. Рѣшенія совѣта по важнѣйшимъ дѣламъ восходятъ на утвержденіе министра финансовъ. Въ рѣшеніи вопросовъ о допущеніи бумагъ къ котировкѣ и въ составленіи фондоваго бюллетеня постоянно участвуютъ особо назначенные чиновники министерства финансовъ. Закономъ 27 іюня 1900 г. предоставлено министру финансовъ назначить своею властью весь первоначальный составъ совѣта, а также до 60 действительныхъ членовъ отдѣла. Тѣмъ же закономъ расширены права маклеровъ по приему приказовъ на покупку и продажу процентныхъ бумагъ отъ публики, хотя-бы она и не принадлежала къ составу фондоваго отдѣла; имъ предоставлено исключительное право исполнять приказы, полученные въ биржевомъ собраніи; съ другой стороны, повышены требованія, предъявляемыя къ лицамъ, желающимъ быть маклерами. Фондовые маклера избираются не членами отдѣла, а министромъ финансовъ, и должны внести залогъ, въ размѣрѣ 15000 руб. См. Рента государственная, Цѣнные бумаги.

Фонды секретные—такъ называется въ конституціонныхъ государствахъ кредиты, предоставляемые въ дискреціонное распоряженіе отдѣльныхъ министровъ въ интересахъ особыхъ, не допускающихъ гласности, государственныхъ нуждъ (напримѣръ защиты внѣшней безопасности или охраненія общественнаго порядка и спокойствія). Распоряженіе секретными Ф. не подлежитъ отчетности и контролю въ общемъ порядкѣ, но отвѣтственность за цѣлесообразное употребленіе такихъ суммъ лежитъ на министрѣ, обязанномъ или по выполненіи данной задачи, или при оставленіи поста представлять отчетъ главѣ государства. Во Франціи при всѣхъ режимахъ, смѣнявшихъ другъ друга въ теченіе XIX в., секретные Ф. не исчезаютъ изъ бюджета. Въ первой половинѣ 1890-хъ гг. они исчисляются для министер. иностранныхъ дѣлъ въ 1 милл. фр. ежегодно, мин. военнаго—600 тыс. фр., внутреннихъ дѣлъ—1½ милл. франк. Данныя о секретныхъ Ф. въ другихъ зап. европейскихъ государствахъ менѣе точны, такъ какъ нерѣдко секретные Ф. извлекаются изъ специальныхъ источниковъ не-

опредѣленнаго характера. Въ Англіи министру иностр. дѣлъ предоставляется въ дискреціонное распоряженіе лишь 300 тыс. фр., въ Австро-Венгріи—950 тыс. фр., въ Германіи—около 780 тыс. марокъ. Особымъ источникомъ въ безотчетномъ распоряженіи германскаго имперскаго канцлера служилъ такъ назыв. Ф. рептилій (см. XXVI, 603).

Фон-дю-Лакъ (Fond-du-Lac) — гор. въ сѣв.-амер. штатѣ Висконсинъ, на южн. концѣ оз. Виннебегъ (Winnebago). Жит. (1890) 12204. Центръ плодороднаго земледѣльческаго округа; торговля хлѣбомъ, деревомъ, желѣзомъ и скотомъ.

Фонема (греч. φωνή = голосъ)—грамматическій терминъ не совсѣмъ опредѣленнаго значенія, встрѣчаемый у нѣкоторыхъ новыхъ языковѣдовъ. Впервые, вѣроятно, онъ пущенъ въ ходъ извѣстнымъ французскимъ (швейцарскимъ) лингвистомъ Ф. де Соссюромъ, который употреблялъ его, въ своемъ знаменитомъ «Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes» (1879), въ значеніи извѣстной фонетической единицы, т. е. обособленнаго звука, являющагося предметомъ научнаго изслѣдованія, сопоставляемаго и сравниваемаго съ другими звуками. Реальныя звуковыя особенности даннаго звука мало принимались Соссюромъ во вниманіе; что находилось въ связи съ довольно абстрактнымъ, такъ сказать алгебраическимъ характеромъ всей его системы гласныхъ, построенной предположительно для индоевропейскаго праязыка. Такимъ образомъ, понятіе Ф. (phonème) у де-Соссюра мало отличается отъ того понятія, которое соединяется у языковѣдовъ со словомъ «звукъ», употребляемымъ и въ общемъ, отвлеченномъ значеніи извѣстной звуковой единицы рѣчи, подлежащей научному разсмотрѣнію. Терминъ де-Соссюра сталъ употреблять и нашъ извѣстный ученый, проф. И. А. Бодуэнъ де Куртене; придавъ ему, однако, иное значеніе. Подъ Ф. онъ разумѣетъ цѣльное, недѣлимое съ языковой стороны представленіе, возникшее на основѣ цѣлаго ряда одинаковыхъ и цѣльныхъ впечатлѣній, ассоціированныхъ съ представленіями акустическими и звукофизиологическими; путемъ сліянія этихъ впечатлѣній; получавшихся у говорящаго при произношеніи одного и того же звука въ разныхъ словахъ, этимологически родственныхъ и не родственныхъ. Съ цѣльнымъ представленіемъ Ф. соединяется; по словамъ проф. Бодуэна де Куртене, сумма единичныхъ антропофоническихъ (см. Фонетика) представленій, которыя въ одно и то же время являются какъ представленіями совершаемыхъ или могущихъ быть совершенными физиологическими актовъ, такъ и представленіями слышанныхъ или могущихъ быть слышанными результатовъ вышепомянутыхъ физиологическихъ актовъ. Въ болѣе лаконичной формѣ Бодуэнъ де Куртене даетъ такое опредѣленіе: фонемы суть цѣльныя, недѣлимая во времени представленія звуковъ языка. Такимъ образомъ, Ф. есть простѣйшая единица «внутренняго языка», отвѣчающая простѣйшей единицѣ внѣшней звуковой рѣчи—звуку (въ смыслѣ физиологическомъ и акусти-

ческомъ). Необходимость вводимого имъ новаго понятія и термина проф. Бодуэнъ де Куртена доказываетъ указаніемъ на то, что «звуки», какъ мимолетные физиологическо-акустическіе феномены, не пригодны ни для психофонетическихъ, ни для историческихъ сопоставленій. Значеніе слова ассоціируется не со «звуками», его составляющими, но лишь съ представленіями данныхъ звуковъ, которыя живутъ въ душѣ говорящаго и являются единственными реальными, простѣйшими единицами рѣчи. Какъ только звукъ раздался, онъ въ сущности уже не принадлежитъ человѣку, становится чуждымъ ему и независимымъ отъ него чисто физическимъ явленіемъ, т. е. рядомъ извѣстныхъ колебаній частицъ воздуха, видоизмѣнить которыя воля говорящаго уже бессильна. Особенной надобности, впрочемъ, въ терминѣ Ф. не чувствуется; онъ могъ-бы быть замѣненъ, какъ видно изъ вышесказаннаго, обычнымъ психологическимъ терминомъ—представленіе (на этотъ разъ—представленіе отдѣльнаго звука рѣчи). Употребленіе его оправдывается удобствомъ обозначенія однимъ опредѣленнымъ терминомъ такого сложнаго понятія, которое иначе пришлось-бы выразить пѣлымъ рядомъ опредѣленій. Въ разсужденіяхъ проф. Бодуэна о Ф. есть, однако, нѣкоторыя неясности, которыя требуютъ устраненія. Такъ напр., по его мнѣнію, въ формахъ: *нозъ* (произносится *нок*) и *нога* одна и та же Ф. *з*, и разница между *з* и *к* въ произношеніи этихъ словъ есть лишь разница физиологическая, но не психическая и зависящая только отъ условій произношенія. Въ этихъ словахъ заключается допущеніе, что извѣстные процессы произношенія совершаются независимо отъ соответствующихъ имъ акустико-моторныхъ представленій или Ф., и даже вопреки имъ. Разъ въ цѣльное представленіе звука *з*, или въ его фонему, входитъ представленіе о той работѣ голосовыхъ связокъ, которая придаетъ звуку «звонкость» (голосовое произношеніе), то это представленіе должно бы повлечь за собой и самую работу, чего въ дѣйствительности не наблюдается. Отсутствие этой работы проф. Бодуэнъ ставитъ на счетъ условій произношенія; но вѣдь въ основѣ всѣхъ физиологическихъ процессовъ произношенія лежатъ опять-таки моторныя представленія, до выработки которыхъ нѣтъ и способности произносить тѣ или другіе звуки. Кромѣ того, разъ, по опредѣленію самого проф. Бодуэна, въ цѣльное представленіе звука, или въ Ф., входитъ и воспоминаніе о всѣхъ слышанныхъ данныхъ звукахъ, то страннымъ является его предположеніе, будто человѣкъ, всегда слышавшій форму *нозъ* съ *к* въ концѣ (*нок*), все-таки мыслить или представлять ее съ *з*. Впрочемъ, высказанныя возраженія и поправки касаются лишь подробностей ученія Бодуэна о Ф. и главной сущности его не колеблютъ. Вслѣдъ за Бодуэномъ употреблялъ терминъ Ф. и проф. Будиловичъ, но безъ всякой необходимости, замѣнивъ имъ общепотребительный терминъ «звукъ». Ср. Бодуэнъ де Куртена, «Нѣкоторые отдѣлы сравнительной грамматики слав. языковъ» («Русск.

Филол. Вѣстникъ» т. V. 1881); его же, «Próba teorii alternacyi fonetycznych. Część I. Ogólna», Краковъ, 1894 (= «Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen», Страсбургъ 1895); его же статья «Фонема» въ «Большой польской энциклопедіи» (т. XXII, вып. 173, 1899).

С. Буличъ:

Фонетика (отъ греч. φωνητικός=звуковой, голосовой)—отдѣлъ языковѣдѣнія, занимающійся изученіемъ звуковой стороны языка. Терминъ этотъ недостаточно точенъ и опредѣленъ. По своему этимологическому составу онъ долженъ бы означать ученіе о всякихъ *звукахъ* вообще, но въ дѣйствительности подъ нимъ разумѣются только ученіе о звукахъ человѣческой рѣчи. Въ этомъ послѣднемъ значеніи терминъ Ф. первоначально употреблялся для обозначенія историческаго ученія о звукахъ языка, ихъ соотвѣтствіи звукамъ родственныхъ языковъ, ихъ историческихъ измѣненіяхъ, взаимныхъ соотношеній и т. д. Но, по примѣру нѣмецкихъ и англійскихъ ученыхъ (Зиверса, во второмъ изданіи его «Grundzüge der Lautphysiologie» = «Grundzüge der Phonetik», Сунта, въ его «Handbook of phonetics» и др.) имъ стали обозначать и ту часть Ф. вообще, которая нерѣдко называется физиологіей звука или рѣчи и занимается преимущественно изученіемъ звуковъ языка съ ихъ акустической и физиологической стороны, рассматривая ихъ какъ акустическіе результаты извѣстныхъ физиологическихъ процессовъ, совершающихся въ органахъ рѣчи и голоса. Такимъ образомъ въ настоящее время данный терминъ можно встрѣтить въ заглавіяхъ работъ, имѣющихъ совершенно различное содержаніе и преслѣдующихъ различныя цѣли. Оправдать подобную шаткость употребленія можно лишь тѣмъ, что такъ называемая физиологія звука или акустико-физиологическая Ф. является необходимымъ фундаментомъ исторической и сравнительной Ф., безъ котораго послѣдняя неизбежно должна ограничиться чисто описательнымъ отношеніемъ къ своему предмету и отказаться отъ всякихъ попытокъ объясненія тѣхъ звуковыхъ измѣненій или «переходовъ», которыя происходятъ въ человѣческихъ языкахъ. Другіе термины, которыми обозначаютъ отдѣлъ Ф., занимающійся изученіемъ звуковой стороны языка въ акустическомъ и физиологическомъ отношеніяхъ, также не лучше, а иногда и хуже термина Ф. Довольно часто встрѣчающійся терминъ «Физиологія звука» (= нѣм. Lautphysiologie) или «Физиологія рѣчи» (нѣм. Sprachphysiologie) слишкомъ узокъ въ первой своей части, такъ какъ не указываетъ на акустическую сторону изслѣдованія и необходимаго анатомическаго свѣдѣнія; во второй же своей части онъ слишкомъ широкъ, заставляя думать, что дѣло идетъ о всякихъ звукахъ, даже и не человѣческихъ, или объ изученіи рѣчи вообще съ физиологической стороны. Мало употребительный терминъ «антропофоника» (отъ греч. ἀνθρωπος=человѣкъ и φωνική—подразумѣвается τέχνη=наука, теорія о звукахъ человѣка), пущенный въ ходъ нѣмецкимъ ларингологомъ Меркелемъ, авторомъ книги